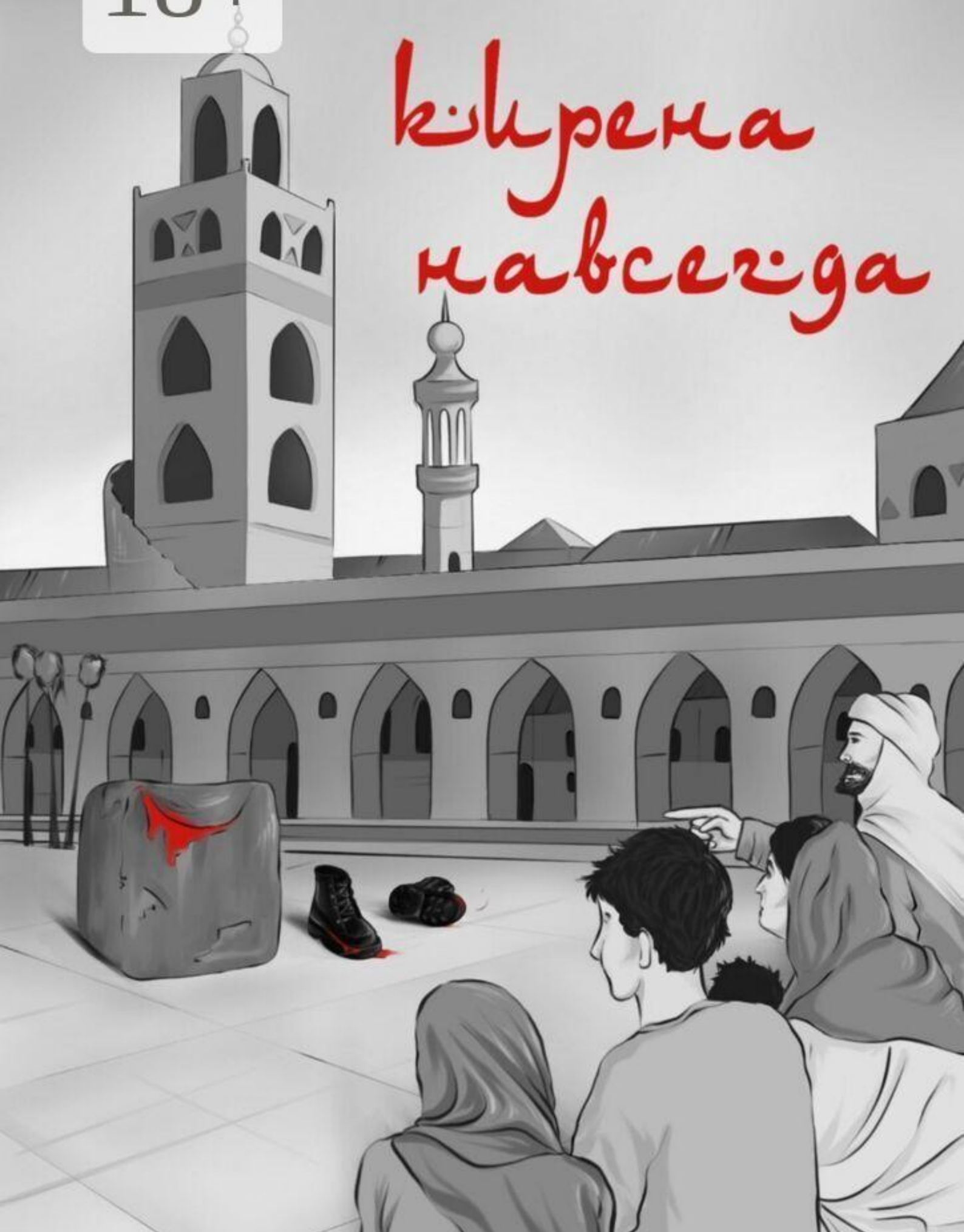

18+

Երանկա Մկրտչյանի ֆանտաստիկական

Կիրենա նախօրհան

Владимир Фиалковский

Кирена навсегда

«Издательские решения»

Фиалковский В.

Кирена навсегда / В. Фиалковский — «Издательские решения»,

Как не переступить грань между любовью и страстью, увлеченностью и безумием? История об одержимости, превращающей человека в дьявола. Новелла из сборника «Нестраховой случай кота Моисея».

Содержание

I	6
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Кирена навсегда

Владимир Фиалковский

*Любовь вечна, дорогая!
Из телефонного
разговора в супермаркете*

Дизайнер обложки Виктория Алексеевна Сырцова

© Владимир Фиалковский, 2026

© Виктория Алексеевна Сырцова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-4474-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Кто-то смеет утверждать, что я не умею и не могу любить, и что моя любовь странная, запутанная и непонятная? Хорошо, я попробую доказать обратное.

Кирена — это моя жена. До того, как ею стать, она выучилась в институте, непонятно, как и чёрт его знает на кого. С красным дипломом в руках она пришла устраиваться на работу в отдел качества готовой продукции гигантского металлургического завода, где я занимаю далеко не последнюю должность.

Если коротко, то можно сказать, что я обеспеченный, довольный жизнью, бездетный, сорокадевятiletний человек с университетским образованием в области химии и металлургии, с широкими взглядами на жизнь. Стремясь оставить хоть что-нибудь после себя, вместе с лучшим другом я вложил немалые средства в больницу, кинотеатр, библиотеку и школу в нашем городке. Питаю я слабость к позолоченным табличкам с выгравированным: «школа имени меня», «больница имени меня». Можете называть меня рабом тщеславия, но, когда оно созидает добрые дела, это не грех.

В мои, пусть и не великие, годы я вполне отдаю себе отчет, что непрерывно напитывающиеся жиром нарастающего итога средства на моих счетах, я не смогу ни потратить до конца жизни, ни тем более унести с собой в могилу. Мои дети, если таковые появятся, или неожиданный хоровод родственников заработают деньги и славу, хорошую или дурную, очень даже самостоятельно, как это делает ваш покорный слуга. Может, впрочем, я оплачу их образование, но и точка.

На завод я пришел желторотым пугливым юнцом и протопал долгий путь по карьерному эскалатору. На ухабистом пути часто встречались персонажи с поцарапанными душами, смирившиеся с обреченной реальностью бытия в маленьком городишке без солнца, но, порой, встречались и выпуклые личности: музыканты, литераторы, педагоги, художники, в общем, все те, кого судьба заставила отбросить холсты и краски, рукописи и ноты в обмен на парящие от горячего раствора электролизные ванны, конвертеры с раскаленным металлом, огромные пролеты плавильных цехов, пронизанные кислым на вкус гнойно-желтым туманом сернистого газа.

Итак, Кирена стала работать у нас. Я познал разных женщин, проведя с некоторыми из них день, ночь, месяц и даже три. Но эта девушка настолько въелась в мои ровные до этого мысли, что я переставал на время думать о чем-то другом. В вспухшей голове с фатальным упорством всплывали только одно имя и лицо. Кирена, наглым взъерошенным воробьем, раскачивалась на тоненькой ветке внутри меня, не собираясь никуда улетать, и не было такой силы, чтобы прогнать непрошенного гостя.

Кому из нас не знакомо, почти физически болезненное, ощущение сгоревших предохранителей, лопнувших струн, рухнувших мостов? Когда гарь, пыль и сажа растворяются и оседают глубоко на самом дне, перед взором возникает светлый, начищенный как новая золотая монета, милый и уже не покидающий образ той, что взглядом блестящих осколков черных глаз могла спровоцировать глобальную катастрофу внутри отдельно взятого человека. Этим человеком был я, а мой тихий и уютный, как зацветшая вода, мирок рухнул, океаны вышли из своих берегов, я захлебнулся и утонул.

Я пропал, но внутренние рассуждения не давали покоя. Смущала разница в возрасте и в жизненном опыте. Она была рядовым, двадцати трех лет отроду, молодым сотрудником моего предприятия, неопытная, только-только открывшая дверь вагона, сурового и, зачастую, несправедливого поезда жизни. Глядя на детскую фигурку, корпевшую над ворохом бумаг на рабочем столе, я думал, сколько жестоких разочарований, разбитых надежд, переживаний, взлетов и побед ожидало маленькую, метр пятьдесят ростом, принцессу на пути к конечной

станции. Но только так, пройдя через все испытания, может в полной мере раскрыться человеческий характер. Каждый раз, встречая ее в коридоре или кабинете, хотелось прижать к себе хрупкое тельце, укрыть от невзгод, защитить от всемирного зла в капсуле добра, раскрыть над милыми прядями темно-каштановых волос гигантский, шириной с небосвод, зонтик и нести его всю свою жизнь, пока хватит сил.

С каждым днем я все сильнее идеализировал Кирену, наделяя ее надуманными качествами полубожества. Такого со мной не случалось ранее, и я боялся своих порывов, непонятных перемен в себе, новых ощущений. Стоило ей, в таких уже привычных ботинках на пухлой платформе, пройти мимо, как сердце мое замирало, но я, умудренный жизненным опытом, ничего не мог ни сделать, ни заговорить с ней. Я не знал, чувствовала ли она мое состояние, но дальше так продолжаться не могло. Надо было побороть свою трусость и начать действовать.

II

Канун Нового года — лучшее время, чтобы раскрыться и показать себя романтичным, надежным и увлеченным. Я всегда предпочитал лету чистую безветренную и солнечную зиму с ее белоснежными одеяниями, в которые она причудливо облачает жадные до одежды нагие деревья, покрывает серебристым шершавым, как кошачий язык, инеем ежащиеся от холода здания, сковывает накрепко в тугие ледяные оковы реки и озера, наполняет пузырьками игристой свежести и терпким бодрящим ароматом острый воздух. Особая часть зимнего волшебства — звенящее декабрьское утро, пронизанное игривыми лучами малинового солнца. Они ласково щекочут крыши просыпающихся домов, скользят вдоль улиц и площадей заснеженного города, беззастенчиво заглядывают в лица еще сонных редких прохожих, улыбаются темным окнам и, ускоряясь, резвыми небесными гончими убегают в непостижимые дали.

Я давно перестал понимать идиотов, в середине декабря упрямо наряжающих тоннами мишуры и сгнившими от старости полинявшими игрушками живые елки, расклеивающих по всему дому розовых ангелов, дедов морозов, захламляя жилища гирляндами, воняющих дешевым пластиком. Радоваться, что к брюху добавилась очередная килограммовая складка сала и что приблизился еще на триста шестьдесят пять дней к смерти, — удел неповзрослевших кретинов. Но, как и многие, я делал вид, что с радостным нетерпением предвкушаю оглушительные фейерверки, долгожданное обжорство, стаи злых с похмелья праздных шатунов.

В один из предновогодних дней Кирена получила открытку с приглашением на ужин с руководством завода. В конце каждого года предприятие организовывало неформальное мероприятие, вечер, где лучшие сотрудники могли в свободном формате пообщаться с главными управленцами, задать волнующие вопросы, получить расплывчатые ответы, а на следующий день, но с головной болью и, одновременно, с чрезвычайным воодушевлением от вчерашних впечатлений, привычно занять позицию у станка.

Не могу точно сказать, насколько я был уважаем подчиненными, но все они знали мое неприятие раболепия, присущее тем, кто старается выслужиться за счет далеко не профессиональных качеств. Коленопреклонение всегда вызывает омерзение, даже у тех, перед кем ползают. Первые это тщательно скрывают, вторые их за это ненавидят. Сам я не пресмыкался перед руководством в молодости, а теперь — и подавно. От человека заискивающего, то есть ненадежного, стоит ждать беды, тылы оголены и неприкрыты. Именно поэтому я окружал себя думающими людьми, самоотверженными, опытными производственниками, многие из которых присутствовали сегодня на первом этаже заводского управления, превратившегося в ресторанный дворик по европейскому образцу.

Ужин подходил к концу, когда спиртные напитки, коих было в избытке, сделали свое дело, и беседа приобрела теплый и где-то дружеский характер. Я, подогретый не одной порцией коньяка, был на высоте: безудержно шутил, метко стрелял комплиментами в присутствующих дам и незаметно следил за сидящей напротив меня Киреной. Каждый раз, при взгляде на нее, сердце мое отчаянно колотилось, что я, порой, не слышал себя и, несколько раз что-то сказал невпопад, судя по недоуменным выражениям не слишком еще пьяных сотрудников. Остальным же, находившимся во власти бесплатной чарки, было все равно, они готовы были рукоплескать любым моим изречениям, впрочем, без особого фанатизма (почему — см. выше).

Знакомо ли вам странное, неземного происхождения, чувство, будто вы в секунду становитесь невесомым и парите над объектом своего обожания словно белоголовый орлан? В мгновение обостряется обоняние, и вы алчно вдыхаете каждый атом распространяющегося и доступного только вам особого аромата, который кажется вам самым прекрасным, самым необыкновенным изо всех, что когда-либо порождала Вселенная.

Наконец, она обнаружила мой интерес к ее особе. Мне показалось, в ее черных зрачках вдруг зародились блески лукавых искр осторожного, только зарождавшегося, любопытства. С нетерпением я ожидал завершения мероприятия, и после вручения обязательных дипломов в память о сегодняшнем событии, под мелодичный перезвон чашек с ароматным кофе, директор дал понять собравшимся, что неумолимо вечер подошел к концу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.